ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 910.1

СУДЬБА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

© 2016 г. Л.В. Смирнягин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: smirnyagin@hotmail.com*

Поступила в редакцию 25.11.2015 г.

“Мир, состоящий из чего-то единого, однородного и непрерывного, не может быть назван существующим, потому что в таком мире нет частей, а, раз нет частей, то нет и целого. Существующий мир должен быть неоднородным и иметь части. Всякие две части различны, потому что всегда одна часть будет *эта*, а другая *та*”.

Д. Хармс [27]

Пространство – одно из ключевых понятий географии, но оно почти вовсе не изучается российскими географами как в онтологическом, так и в эпистемологическом плане. За последний век представления о пространстве в зарубежной географии менялось от чисто ньютоновского (как пассивное вместилище, Э. Тоблер) через гуманитарное восприятие (И-Фу Туан) к “производству пространства” обществом (как “вторая реальность”, А. Лефевр). Во второй половине XX в. М. Фуко декларировал необходимость поставить Пространство во главу угла современной науки и отказаться от примата гносеологического историцизма. После этого смежные с географией социальные науки стали активно осваивать понятие пространства, однако чаще всего как метафору, пренебрегая реальной ролью географического пространства в общественных процессах. Реакция профессиональных географов на эту метафоричность заставляет себя ждать. В самой географии эпистемология пространства усложняется. Членение пространства с помощью традиционного районирования дополняется (или оспаривается) двумя другими подходами – геоструктурным и концепцией местностей. Появляются призывы освободить географию от слишком жесткой привязки к представлению о пространстве как центральной идее географии (Барнс). Плодотворность этих призывов предстоит отразить с точки зрения перспектив развития теоретической географии.

Ключевые слова: географическое пространство, философия географии, районирование, геоструктурный подход, география и социология.

Понятие Пространства – одно из самых важных в географии. Тем не менее в нашей науке долгое время не было принято обсуждать его философский и общетеоретический смысл. Еще четверть века назад Г.Д. Костинский писал: “Термин пространство в географической литературе почти до самого конца прошлого (XIX) столетия встречается весьма редко” [2, с. 31]. Представление географов об изучаемом ими пространстве медленно, почти незаметно, но менялось, притом весьма существенно. С известной условностью можно проследить такой ход эволюции: от “наивного” представления о пространстве

как инертном вместилище, далее через смещение внимания на восприятие пространства человеком (И-Фу Туан) к концепции “производства” людьми того пространства, в котором существует человеческое общество (Харви, Лефевр); наряду с этим вызрело представление том, что если за прошедшие три века существования Науки центральное место в ее парадигматике занимало Время (процессы, изменения, эволюция и т.п.), то теперь это место должно принадлежать Пространству (Фуко).

Пространство как вместилище (Тоблер). Традиционное для географов восприятие простран-

ства долгое время было довольно простецким и обычно сводилось к расстоянию как в метрическом значении (протяженность, километраж и т.п.), так и топологическом (близость – удаленность, соседство и т.п.). Можно сказать, что до 1970-х гг. географы – и “общественники”, и физгеографы – воспринимали пространство как нейтральный контейнер, вместивший без собственных свойств помимо евклидовой геометрии. Географы преуспевали в исследовании влияния евклидовых параметров и строили “пространственные законы”, основанные на анализе статистического материала с помощью регрессий, факторного и кластерного анализа, автокорреляции и т.п. На этом выросла пресловутая количественная революция в географии. Параллельно сложилось убеждение, что три концепта – расстояние, направление и связь – могут объяснить в географии все. Сложился и особый язык “пространственной физики”, на котором все представлялось сочетанием районов, ареалов, узлов, линий, сетей и т.п.

Типичным отражением этих представлений может служить популярный в Америке “первый закон географии”, который в 1970 г. сформулировал (имитируя шуточный стиль) знаменитый американский географ Уолдо Тоблер: “Все влияет на все, но близлежащие вещи влияют сильнее, чем отдаленные”¹. “Закон” был с энтузиазмом встречен научным сообществом, в 2003 г. ему была посвящена сессия на годовом собрании Ассоциации американских географов, он получил краткое наименование TFL (Tobler’s first law). До сих пор встречаются утверждения, что “ТФЛ” играет ключевую роль не только в пространственном анализе, но и для понимания самой концепции Пространства. Между тем в этом законе нашел яркое отражение весьма упрощенный взгляд на пространство, смысл которого редуцирован до расстояния.

Пространство глазами человека (Туан). Усложнение этого взгляда географами началось лишь в 1970-х годах, и главным, пожалуй, застрельщиком такого пересмотра стал американский географ из Висконсина И-Фу Туан. В 1974 г. он опубликовал небольшую книжку под знаковым названием “Топофилия” [27], в которой постарался показать, как именно человек воспринимает пространство и как сильно зависит его поведение от особенностей этого восприятия. При этом он начал с простейших человеческих чувств вроде осязания или обоняния, чтобы показать личностное восприятие пространства, а затем развил этот подход для описания социальных взаимодействий людей в пространстве.

Справедливости ради нужно заметить, что подобные штудии не раз появлялись в смежных науках. Достаточно упомянуть крупнейшего антрополога Эдварда Холла, с его книгой “Потаенное измерение” [16], где он не только тщательно рассмотрел варианты личностного восприятия пространства, но и привел интереснейшие наблюдения о том, сколь по-разному воспринимают и организуют окружающее пространство разные народы – арабы, немцы, англичане. Холл ввел в широкий обиход термин “проксемика”, который стал обозначать тематику такого рода. Не раз обращались к этой теме и другие авторы, однако в центре их внимания был Человек, а не Пространство; это были антропология или этнография, но не география как таковая.

С этой точки зрения И-Фу Туан оказался одним из первых, кто сместил акцент именно на Пространство. В 1977 году И-Фу Туан издал книгу, которая оказала огромное воздействие на развитие географической мысли (по крайней мере западной). Это была монография “Пространство и место” [28]; недавно она была переиздана в честь 25-летия выхода первого издания – на этот раз, кажется, двенадцатым изданием. Она вдохновила многих зарубежных географов, начиная с коллеги Туана по университету Роберта Сэка, чья книга “Территориальность человека” [25] произвела сильное впечатление лично на меня².

Сейчас трудно в это поверить, но полвека назад почти всем географам казалась весьма вычурной и странной мысль о том, что человек ведет себя в пространстве (на территории) в соответствии со своим представлением о нем (о ней), и что как бы далеко ни отстояли эти представления от так называемого “реального” пространства, решающую роль в человеческом поведении будут играть все-таки эти самые представления, а потому для объяснения географии общественной активности нужно изучать это воображаемое пространство (территорию) с не меньшим вниманием, нежели пресловутую реальность. Сегодня эта мысль кажется трюизмом. Воображаемое пространство получило множество названий (в нашей стране его чаще всего называют “второй реальностью”), его свойства изучаются с большим прилежанием, в это вовлечены десятки отличных ученых, в том числе географов.

Однако путь между этими “тогда” и “сейчас” был долог и сложен. По счастью, его проделали, почти нога в ногу, философы, антропологи и географы, во многом помогая друг другу. Слияние их

¹ Everything is related to everything else, but near things are more related than distant things.

² Мне посчастливилось встретиться и беседовать с Туаном и Сэком в университете штата Висконсин в 1997 г.

усилий привело к тому, что к концу прошлого века география, еще недавно третированная многими как “наука для кроссвордов”, внезапно выдвинулась в число передовых наук современности.

Пространственная парадигма вместо временной (Фуко). Каждый просвещенный географ должен признать: главная заслуга в такой “ре-ставрации” авторитета нашей науки принадлежит Мишелю Фуко. Еще в 1960-х годах Фуко выдвинул идею, которая уличила европейскую науку в многовековом перекосе: ее внимание было поглощено процессами, изменениями, сменой эпох и тому подобными ипостасями Времени, тогда как Пространство казалось инертным, неподвижным, а потому банальным. Пора сменить оптику взгляда на мир, утверждал Фуко, пора заняться Пространством – если не вместо Времени в качестве главной темы, то хотя бы для гармонизации соотношения двух этих тем. А кто среди наук отвечает за Пространство, в какой из них оно играет решающую роль? Конечно же, геометрия, в известной мере физика, а уж в полной мере именно география, коли речь идет о пространстве, в котором живет Человек. Удачно выразилась на эту тему Н.А. Черняева: “На смену прежним мыслительным матрицам, основанным на исторической парадигме (при которой любой материал располагался, прежде всего, по временной оси и рассматривался в историческом развитии), приходят такие способы осмысления материала, которые можно назвать географическими” [8, с. 273].

Идея Фуко нашла широкий отклик в социальных науках. Характерной иллюстрацией может служить изданный в 2004 г. сборник “Ключевые мыслители о пространстве и месте”, составленный и опубликованный в 2004 г. Филом Хаббардом, Робом Китчином и Джил Валентайн [21]. В сборнике было 66 статей о тех авторах, которые, по мнению редакторов, внесли за последние 50 лет хоть что-то новое в теоретические размышления о пространстве. При этом подбирались авторы из разных традиций – марксисты, постструктуралисты, культурологи, “чистые” философы и т.п. Географы среди отобранных авторов отнюдь не преобладали, их оказалось всего 25 из 66 (!). Характерно, что среди этих географов не оказалось ни одного, кто считался бы или считал себя физико-географом. Составители несколько язвительно отметили в своем предисловии, что физико-географов эта проблема, судя по всему, вообще не интересует, потому что таков уж их объект: в нем некому рефлексировать по поводу пространства, поскольку это либо неживая природа, либо живая,

но не наделенная разумом³, в отличие от человека, у которого такая рефлексия налицо и, более того, предопределяет его поведение в пространстве. Зато в сборнике широко представлены антропологи, социологи, экономисты, историки, политологи, философы – все промелькнули перед нами, все побывали тут. Вот еще одно свидетельство того, что если “культурный поворот” (cultural turn) захватил все-таки географов за последние 30 лет, то можно говорить и о “пространственном повороте” (spatial turn), который охватил социальные науки. В этом сборнике антропологи Марк Оже (Marc Auge), Тим Инголд, Мишель де Серто ставят пространство во главу угла для объяснения ритмов повседневной жизни человека, “глобальные гуру” вроде Кастельса, Гидденса, Сассен и Сена воздают должное пространству в объяснении современного капитализма. Ну, а уж геополитические мыслители вроде Бодрийера или Валлерстайна и вовсе пользуются словом “пространство” чуть не на каждой странице.

Пространство классов (Харви). Тем не менее, отклик самих географов тоже не заставил себя ждать. Появилось множество написанных профессиональными географами работ, в заглавиях которых мелькали, в разных сочетаниях, слова “space” и “place”. Вершинами этих усилий стали, бесспорно, две книги, вышедшие в 1989 г.: “Условия постмодерности” Дейвида Харви и “Постмодерные географии” Эдварда Соджи. Обе книги (книга Соджи значительно позднее) завоевали огромную популярность среди представителей буквально всех социальных наук и даже философии, и они стали, пожалуй, самым весомым вкладом современной географии в общенаучную методологию нашего времени.

Особо большую популярность приобрел Дэвид Харви, английский географ, который много лет проработал и в США. Для Харви пространство – это не просто контейнер (как думал Ньютон) и не просто сцена для социальных взаимодействий, это активный участник взаимодействий. Иначе говоря,

³ Это неверно. Есть множество свидетельств того, что в животном мире рефлексия пространства тоже налицо. Для примера сошлюсь на одно исследование, которое меня поразило необычностью выводов. Д. Шепард исследовал поведение зеленых лягушек *Rana clamitans*. Казалось бы, чем крупнее самец, тем больше должна быть его территория. Оказалось, что это не так. Главная цель самца в брачный период – быть замеченным, а для этого надо занять выгодное географическое положение (oviposition), размер которого не может быть больше того, за пределами которого самца уже не видно. Иными словами, в это время лягушки-самцы борются не за территории с лучшими ресурсами, а за место с хорошим географическим положением. Вряд ли такое представление о пространстве можно назвать примитивным [26].

если в некоем пространстве взаимодействуют десять элементов, то на самом деле их одиннадцать, включая само пространство. Ведь у пространства есть не только расстояние, у него есть трение, у него есть форма; и все это активно влияет на взаимодействия элементов. Более того, и сами элементы воздействуют на пространство, во многом предопределяя его свойства. Все мы укоренены в пространстве в нашей повседневной жизни, говорит Харви, а потому капитализм неравномерен в пространстве вослед неравномерности географической среды.

В книге Харви “Пространства глобального капитализма: к теории неравномерного географического развития” [18] есть третья глава, специально посвященная свойствам пространства вообще и “капиталистического пространства” в частности. Она имеет характерное заглавие: “Пространство как ключевое слово”. Здесь он рассматривает несколько традиций восприятия пространства: как контейнер (Ньютон), как нечто относительное, зависящее от наблюдателя (Эйнштейн), или как реляционное, свойства которого зависят от наполняющих его объектов и отношений между ними (по Лейбницу). Харви считает, что эти представления могут пересекаться в описании географии капитализма: пределы частной собственности содержат абсолютное ньютоновское представление о пространстве, можно взирать на место или объект с точки зрения его относительного местоположения, а можно рассматривать свойства места или объекта в зависимости от взаимодействий, в которые они включены (будь это свалка отходов или поле для гольфа). Все эти точки зрения важны для циркуляции стоимостей, для накопления капитала. Любимый термин Харви – “социопространственная диалектика”.

Следует учитывать, что Харви – убежденный марксист (вернее, неомарксист, как называют тех марксистов, которые чужды коммунистическим движениям на Западе). Он глубоко знает Маркса, искренне его почитает, и в этом отношении с ним не может (и не мог) сравниться ни один советский географ-марксист. В рецензии на его книгу Э. Харод выразился так: «Дэвид Харви – это географ, который больше других сделал для того, чтобы за последние сорок лет “опространствить” (to spatialize) Маркса, показывая, что процесс, который порождает экономический ландшафт при капитализме, не просто сопутствует способу накопления, но является центральным для этого процесса» [20].

Производство пространства (Лефевр). После Харви и Соджи пространство стало обретать в

географической науке совсем иной статус и даже иной смысл. Все более популярными становились представления о том, что пространство, в котором действуют человек и общество, преобразовано человеком и обществом не только физически, оно оказывается насыщенным смыслами социальной природы. Решающую роль в закреплении этого представления сыграли труды французского неомарксиста Анри Лефевра и особенно его книга с боевитым многозначительным заглавием “Производство пространства” (собственно говоря, главный смысл этого труда оказался почти полностью выраженным в этом заглавии) [22]. По Лефевру, человек и общество живут в пространстве, которое они сами и создали в виде некоей второй реальности, и реальность эта меняется в той мере, в какой меняется само общество.

Резонируя с идеями Фуко, Лефевр призывает изучать общество как таковое не только и не столько в его развитии, т.е. исторически, сколько пространственно. Он назвал это “спатIALIZацией”; невольно вспоминается “территориализация” – понятие, которое в 1970-х годах, т.е. одновременно с Лефевром, старался внедрить в нашу географию Б.М. Ишмуратов, но не встретил понимания в нашем географическом сообществе того времени.

Лефевр, как и Харви, неомарксист (он вступал во французскую компартию, но был исключен за “ревизионизм”), он вовсе не отрицает наличия физического пространства. Бог с ним, говорит он, мы же социологи, а потому будем заниматься тем пространством, которое создается людьми и от которого зависят их взаимодействия. Его внимание приковано к этому “подвиду” Пространства – к социальному пространству, которое есть продукт вполне рациональных усилий людей по его производству. Этот продукт как бы вполне объективный, поскольку отрефлексирован не единичными людьми, а всем социумом, но к тому же он есть результат чисто идеологических, культурных усилий тех, кто производит символы и коды (тут он вполне по-марксистски утверждает, что эти производители служат господствующим классам и делают свою работу ради преуспевания этих классов, т.е. морочат голову простым людям). У Лефевра отлично играет “как бы реальное” пространство, произведенное экономическими силами, в противопоставлении репрезентируемому, которое есть морок, отвлеченное пространство. Такое “представленное” пространство воспринимается людьми как реальность, и это не дает трудящимся массам возможности заметить то, что их лишили возможности распоряжаться пространством. Социальное пространство оказывается у Лефевра не просто продуктом работы производительных сил,

но и (в лице репрезентируемого пространства) продуктом общественных отношений, потому что такое пространство репрезентируется в формах, выгодных одной из сторон этих отношений.

Пространство как нечто второстепенное (социология). Труды Лефевра словно отворили шлюзы для социологии: десятки социологов принялись изучать социальное пространство. Это было настоящей новеллой для социологии, потому что к этому времени в ней самой сложилась странная традиция, которую можно назвать антипространственной. Это традиция пренебрежительного отношения к пространству. Она идет еще от таких классиков социологии, как американец Т. Парсонс, немец Г. Зиммель, француз Э. Дюркгейм. Удивительнее всего, что она господствует даже в тех текстах, которые посвящены именно социальному пространству. Первым, кто писал об этом подробно, был Г. Зиммель, и он писал ничтоже сумняшеся: “Пространство само незначимо. Это люди придают ему смысл и действуют соответственно” (цит. по [7]).

Пожалуй, самым странным для географа можно считать убежденность социологов в том, что в пространстве размещаются только тела, вещи, но ни в коем случае не события. Сами-то географы всеми силами стараются избежать фотографичности своих исследований, сиюминутности воззрений на действительность, они постоянно стараются искать причины географических явлений и их последствия в событийности, в динамике процессов. Социологи же смотрят на это проще: если явление диахронично, то требуется историцистский подход, а если синхронично – пространственный. А. Филиппов приводит на этот счет такое сравнение: в магазине размещаются продавец, покупатель и книга, но не сама покупка как действие. Неудивительно, что при такой установке социологи довольно равнодушны к пространству: ведь они исследуют именно действия, а не “вещи”. “Вот почему, – пишет А. Филиппов, – знаменитый американский теоретик Толкотт Парсонс, которому поклонялось целое поколение советских социологов, полагал, что для анализа действия пространство вообще значения не имеет” [7, с. 28].

Остается лишь удивляться: как можно изучать социальное пространство, заведомо отводя ему такую ничтожную роль? И ладно бы речь шла о стародавних основоположниках социологии вроде Зиммеля, ведь после Фуко и особенно после Лефевра современным социологам, казалось бы, уже непозволительно так демонстративно уклоняться от пространственной стороны общественных процессов (напомним, что Лефевр этим не грешил, он

подчеркивал важность учета “физического пространства” в социологии). Так нет: именно сегодняшние социологи (в частности, А. Филиппов), как только речь заходит о социальном пространстве, охотно цитируют П. Бергера и Т. Лукмана: “Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение, благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура” [1, с. 50].

Для того чтобы нагляднее передать степень удивления географа подобным подходом социологов к пространству, я позволю себе процитировать самого себя, извлекая цитату из своей работы шестилетней давности: “По Филиппову, получается, что социальные взаимодействия не зависят от того, на каком расстоянии друг от друга находятся акторы. По Парсонсу, безразлично, что за пространство лежит на этом расстоянии, – океан или суша, враждебное или дружественное государство, оснащено оно средствами связи или нет. По Дюркгейму, неважно, соседствуют ли акторы друг с другом или разделены другими акторами. По Зиммелю, чувство идентичности, этот душевный порыв, преодолевает людей вне зависимости от того, живут ли они территориально сплоченной группой или растворены в других группах” [4, с. 39].

Настоящей точкой над *i* выглядят следующие слова А. Филиппова: «“Пространство” представляет собой социальную и научную метафору... “Социальное пространство” – удобное, но все-таки лишь иносказательное выражение, подобно “социальной дистанции” или “социальной лестнице”» [7, с. 28]. И это пишет автор самой капитальной в нашей социологии и весьма глубокой монографии “Социальное пространство”, преподававший этот предмет в Высшей школе экономики.

Контр-география: пространство как метафора. Превращение понятия пространства в метафору выглядит для географа настоящим бедствием. Вот чем обернулась для географии та ее популярность, которая была как бы спровоцирована идеями Фуко о том, что эра Времени сменила в науке эра Пространства. Теперь пространство постоянно поминают едва ли не все социальные науки вплоть до литературоведения (см., например, [5]), однако поминают его, как правило, всуе, чаще всего именно как метафору. При этом постоянно используются термины, почитаемые географами в качестве почти что священных, – расстояние, гра-

ница, местоположение, район. Вот только значения этих терминов сплошь и рядом имеют очень мало общего с географическими.

Увы, дурной пример подал на сей счет Мишель Фуко, которому так обязана география своей нынешней популярностью. Фуко придумал множество терминов, которые, казалось бы, напрямую связаны с Пространством. Взять хотя бы знаменитую гетеротопию, которая возникает у Фуко в предисловии к его великой (без преувеличения) книге “Слова и вещи”. Все здесь приходится подвергать расшифровке, используя герменевтические приемы, т.е. выволакивать на свет божий то, что похоронено под грудой слов и, что особенно горько, терминов, которым не дается прямых разъяснений. Сначала идут фразы, которые вполне ясно говорят о метафорическом использовании термина “пространство”. Ведется разговор о немыслимом соседстве разнокалиберных определений Борхеса (в его знаменитом отрывке про “китайскую энциклопедию” и классификацию собак), и само понятие (или просто термин) “соседство” привлекает Фуко в область, где “язык с незапамятных времен пересекается с пространством”. Затем возникает некая “область гетероклитного”, причем за ней следует обещание немедленно растолковать смысл этого понятия. Но обещание остается обещанием. Фуко как бы наивно (на взгляд географа) перечисляет термины, обиходные для географии, но свежо (прямо по Шкловскому с его “остранением”) звучащие тут: «явления здесь “положены”, “расположены”, “размещены” в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить общее место для тех и других». Становится вполне (для географа) очевидным, что именно эффективность применения этих сугубо географических терминов соблазнила Фуко погрузиться в истолкование бытования этих терминов в литературоведческом (культурологическом) дискурсе. Столь же внезапно и с нарочитым отсутствием пояснений возникают термины “афазики”, “атопия”, горячо воспринятые “фуковедами”. По примеру “гетероклитного”, нам предлагается добиваться осмысления этих терминов на основании их этимологии, которая кажется Фуко достаточно для этого очевидной. Любопытно, что для иллюстрирования своих размышлений он идет на прямое подражание Борхесу и сочиняет схожую классификацию мотков шерсти (самые светлые, красные, с наибольшим содержанием шерсти, самые длинные, скатанные в клубок). Фуко называет это “мышлением без пространства”, но что это за пространство? Здесь-то и открывается сокровенный смысл сказанного Фуко: где бы еще могли встретиться животные китайской энциклопедии,

“как не в бестелесном голосе, осуществляющем их перечисление, как не на странице, на которой оно записывается? Где бы еще могли быть сопоставлены, как не в не имеющем места пространстве языка? Но, размещая их, язык всегда открывает лишь такое пространство, которое недоступно осмыслению”. Изрядно сказано. Пространство языка не имеет места – это надо запомнить; пространство, которое не имеет места, недоступно географическому пониманию. Остается вздохнуть с облегчением: географическое пространство, по счастью, имеет место – в буквальном и переносном смысле.

В дальнейшем, в том же предисловии, Фуко с той же безмятежностью втаскивает в филологию идеи экономической науки. В частности, он утверждает, что проведенный им анализ раскрыл связь, которая существовала в течение всей классической эпохи между теорией представления и теориями языка, природных классов, богатства и стоимости. В таких смелых заимствованиях Фуко руководим, по его словам, следующим тезисом (он сформулирован, словно слоган, словно футбольная кричалка): “познания умножают друг друга, идеи трансформируются и взаимодействуют”. И в самом деле, его книга “Слова и вещи” – прекрасная иллюстрация того, каким эффективным может оказаться заимствование понятий (и даже просто терминов) далеких сфер знания для работы в совершенно другой сфере [8]. Здесь “его пример другим наука”, но есть основания подозревать Фуко-филолога и в том, что он считал себя обладателем особых прав на обращение со словами и вещами, на безмятежное перетаскивание их из одной плоскости в другую: дескать, я же филолог, слова для меня в лучшем случае объект изучения, а в худшем – вообще просто сырье.

Словом, в размышлениях Н. Фуко о пространстве немало лукавства, герменевтических уловок и нарочитых туманностей, которые для него были своего рода игрой, а у прямодушных географов, незнакомых с герменевтикой, могут породить сугубо ошибочные представления о реальном смысле слов, сказанных великим антропологом. Ведь Фуко заимствовал у географии часть словаря и понятий, а мы, географы, читая его, пытаемся забрать все это снова себе, но понятия-то уже покалечены, исцарапаны по меньшей мере.

Мода на географию как бедствие. Общественная популярность географии оборачивается тем, что святой для географа термин “пространство” растаскивается по разным социальным наукам в сугубо метафорическом смысле. Особенно активно этим занимается литературоведение, где про-

странству нередко посвящаются обширные исследования крупных авторов. Хорошим примером может служить статья Ю.М. Лотмана “О понятии географического пространства в русских средневековых текстах” [3]. Заметьте: Лотман говорит не о мифопоэтическом пространстве, но о географическом, но говорит так, что от географического пространства не осталось и следа.

Еще более показательный пример – большая работа В.Н. Топорова “Пространство и текст” [5]. Можно подумать, что он вторит Лефевру, когда пишет о “гуманизации пространства”, насыщении его антропоцентричными элементами, о “заражении его духовностью”. Однако быстро становится ясно, что речь идет об особом мифопоэтическом пространстве. Обсуждая его свойства, Топоров совершенно не обинуется доказательствами, примерами, экспериментами, да и вообще какой-либо верификацией. Профессиональный географ не может себе этого позволить: Топоров занимается мифопоэтическим пространством, которое он сам сочинил, а потому отвечает за него, тогда как географу приходится иметь дело с пространством реальным, которое находится, так сказать, в общем пользовании, а потому его характеристики такого пространства должны быть проверяемы любым желающим. Однако это если и снижает ценность высказанных Топоровым слов, то лишь немного, да и то только для наивного ума, застрявшего в натурфилософской эпохе.

Географу можно было бы пренебречь штудиями филологов о пространстве, поскольку они толкуют “о своем, о девичьем”, а он-то сам занимается только вполне конкретным земным (sic!) пространством. Однако филологи и иже с ними постоянно вторгаются именно в это географическое пространство и обсуждают его с полным пренебрежением к сути этого пространства, безмятежно толкуя его на свой лад. Топоров, например, нарочито шельмует “наше” пространство, употребляя для его характеристики заведомо уничижающие слова; он пишет, что этот тип пространства могут эксплуатировать только произведения “среднего” художественного уровня. Признаться, “филологи и иже с ними” сплошь и рядом извлекают из этого немало пользы для своей сферы, используя “наше” пространство как метафору. Более того, в этой своей сфере они предаются как бы экспериментам над “нашим” пространством – экспериментам, которых мы сами не можем себе позволить, так как скованы по рукам и ногам нашими правилами, нашей парадигматикой – да и просто тем, что мы слишком хорошо изучали физическую географию стран мира и не можем избавиться от сугубо конкретного представления этого пространства в виде

“сверхреальной” оболочки планеты по имени Земля. Филологи и иже с ними, рассуждая о “нашем” пространстве, словно бы “в детской резвости колеблют твой треножник”, географ, невольно вызывая раздражение так называемой географической общности. Однако есть иной подход к этим колебаниям – своего рода встречный бой в ответ на то, что у нас заимствуют нечто для нас святое и ругаются над ним, превращая в метафору. Можно воспринимать филологические и прочие штудии о “нашем” пространстве как извращения, а можно – как смелый эксперимент, позволительный только за пределами самой географической науки.

Пассивность географов: свято место пусто не бывает. Итак, активность социальных наук в метафорическом освоении социального пространства просто зашкаливает. Однако при этом что-то не видно исследований, которые напрямую и серьезно изучали свойства этого метафорического пространства (например, его сгущения вместе или порознь со временем протекания, когда Тристан, скажем, на пути из Корнуолла в Бретань пересекает Ла-Манш в течение нескольких месяцев, потому что так нужно для сюжета) и его связь с пространством “физическим”.

Увы, этот упрек можно бросить и в адрес самих географов. В смежных социальных науках существует предрассудок, согласно которому именно географы лучше всех осведомлены о свойствах пространства – как первой, так и второй реальности. Сегуя на инертность собратьев-социологов в исследовании социального пространства, А. Филиппов писал: «Социология пространства на самом деле развивается, но не столько социологами, сколько географами. Здесь, в общем, все логично: если географию понимать как “науку о пространстве”, а социальную географию – как науку о человеческом поведении в пространстве, о размещении в пространстве социальных институтов, о планировании пространства, о перемещениях людей, в конце концов, об их представлениях о пространстве, то область социологии пространства будет, кажется, почти исчерпана» [6].

Сразу видно, что А. Филиппов мало знаком с реальным положением дел в современной географии (иначе его слова можно было бы принять за тонкую иронию). Ведь на самом деле в нашей географии, как отечественной, так и зарубежной, крайне мало исследований свойств социального (или в целом географического) пространства. В российской литературе я знаю единственный по сути пример такого рода – это несколько статей [11] и кандидатская диссертация В.А. Шупера “Исследование метрики социально-географиче-

ского пространства". Подумать только, она была защищена в 1981 г., 35 лет назад! К сожалению, в последние годы наш "главный философ от географии" снизил интерес к этой теме. Об этом свидетельствует, в частности, одна из последних его статей о пространственном анализе [9], где само слово "пространство" упоминается лишь три-четыре раза (и это несмотря на то, что автор внес его в число ключевых слов своей статьи)⁴. О пространстве немало писал Г.Д. Костинский, опубликовавший на эту тему несколько крупных статей. Однако это были хотя и глубокие, но все же сугубо общие рассуждения теоретического характера, в них не содержалось каких-либо конкретных исследований свойств пространства⁵; судя по общему тону, Г.Д. Костинский исходил из традиционного ньютоновского взгляда на пространство.

Между тем у географов есть немало возможностей изучать свое пространство чисто эмпирически. Взять хотя бы такой популярный индикатор свойств пространства, как его трение. Оно внятно параметризуется простой гравитационной моделью, где сила взаимодействия двух тел равна произведению их "масс", деленному на расстояние между ними в некоей степени. Эта самая степень, экспонента при расстоянии, и есть параметр трения пространства. Чем больше этот параметр, тем сильнее трение пространства, т.е. тем сильнее оно препятствует взаимодействию. Подобное трение – свойство самого пространства, а не помещенных в него объектов, оно зависит от "обустроенности" пространства средствами проникновения через него, и объектам приходится приспосабливаться к подобным свойствам.

Много лет назад мне довелось услышать от Ю.Г. Липеца (в частном разговоре) такую мысль. Есть немало географической эмпирики, где сила взаимодействия известна заранее (например, миграционные потоки, перевозки грузов, частота переговоров по телефону). Значит, можно перевернуть уравнение гравитационной модели так, чтобы слева от знака равенства стояла эта самая пресловутая экспонента, степень при расстоянии. Можно было бы раз за разом накапливать наши знания об экспоненте как о свойстве пространства в разных средах, в разных странах, в разных видах взаимодействия человеческого общества.

⁴ Справедливости ради надо признать, что и сам В.А. Шупер, и его аспиранты много раз касались темы метрики пространства, однако именно касались, поскольку это делалось попутно, в ходе все более глубоких исследований теории центральных мест Кристаллера.

⁵ Автор готов признать, что и данная его статья написана ровно в том же "жанре".

Увы, если исследования такого рода и проводились, то они были настолько редки, что в мое поле зрения, например, так и не попали, хотя длительная работа в реферативном журнале ВИНТИ приучила меня к тщательному отслеживанию научных новостей. Могу лишь припомнить, что обсуждением экспоненты как параметра пространства занимался в 1950-х и 1960-х годах декан геофака университета штата Огайо Эдвард Тейф, крупнейший специалист по географии транспорта. Он использовал экспоненту для того, чтобы показать, сколь сильно препятствуют свойства пространства социальным взаимодействиям в Африке по сравнению, скажем, с Данией: в Африке с ее примитивной и редкой дорожной сетью экспонента приближалась к 4, а в Дании была меньше 2, благодаря насыщенности территории этой страны средствами транспорта, притом весьма совершенными.

Новый взгляд на пространство: геоструктуры вместо районов. Можно найти некоторые объяснения этому равнодушию к задачам непосредственного изучения географического пространства. Одно из них заключается в том, что у географии есть немало других, более гнучких методологических проблем, связанных с изучением Пространства вообще и социального пространства в частности. Достаточно, на мой взгляд, привести только один пример. Он – о понятии "район", которое относится к числу базовых в нашей науке⁶. Представление о пространстве, членимом на районы, является традиционным для географии. Районирование обладает совершенно особым статусом в российской географии – статусом некоего венца географического знания. Да и в зарубежной географии часто встречаются утверждения такого рода (см., например, известную статью Дж. Харта "Районирование как высшая форма искусства географа") [17].

Однако в последние десятилетия все более ответственными становятся новые взгляды на членение пространства, альтернативные районному взгляду. Это геоструктурный подход и концепция местностей.

Геоструктурный подход в географии вышел из недр системно-структурного подхода, который в 1970-е годы завоевал огромную популярность во всех отраслях географического знания. Речь пошла об общественных геоструктурах – сначала как о геометрии размещения объектов (прежде всего человеческих поселений и элементов инфраструктуры), а потом, в более глубоком смысле, о пространственной самоорганизации общества в

⁶ См., например, превосходную статью Г.Д. Костинского [2].

линейно-узловой форме, а не площадной, как это принято в районировании.

Геоструктурный подход стал ответом на одно из главных противоречий экономического районирования – между дискретным (точечно-линейным или ареальным) характером размещения объектов и континуальным, площадным характером самого районирования как разбиения непрерывной территории на части. Действительно, и сами люди, и плоды их деятельности (заводы, города, дороги и т.д.) занимают совершенно определенные части пространства, и эти части далеко не заполняют собою ту территорию, которую выделяют в качестве района⁷. Получается, что районирование исследует пространственно дискретное явление, но районирует не его самое, а территорию, разрезая ее на сплошные куски. Для разрешения этого противоречия исследователи либо игнорируют несплошной характер своего объекта, либо используют ячейки территории просто как “адреса проживания” этого объекта, либо рассматривают не только сам объект, но и порождаемые им связи и отношения, которые могут заполнять собою всю территорию, в том числе и те ее части, где самого объекта нет.

Эти допущения оказываются излишними в геоструктурном подходе. Ведь он ориентирован на изучение как раз тех мест, где объект присутствует непосредственно, на рисунок, порождаемый в пространстве этими местами, на регулярности в этом рисунке. Концепция территориальных структур утверждает, что рисунок этот не случаен, что он обусловлен законами пространственной самоорганизации объекта и что подобные законы проявляют себя в характере этого рисунка.

Большим преимуществом геоструктурного подхода казалась его реалистичность. Рисунок здесь непосредственно наблюдаем картографически, тогда как районы, особенно их границы, выглядят весьма умозрительными, проблематичными.

Создается впечатление, что популярности геоструктурного подхода послужило еще одно обстоятельство. Если районирование советской школы с его жесткими административными ячейками казалось порождением командно-административной системы, то геоструктурный подход демонстрировал стихийную самоорганизацию общества в пространстве. Трудно сказать, отдавали ли себе в этом отчет первые адепты геоструктурного под-

хода в отечественной экономической географии (Л.И. Василевский, И.М. Маергойз, П.М. Полян и др.), но влияние таких представлений на развитие подхода кажется несомненным.

Главный методологический урок быстрого развития геоструктурного подхода заключался в том, что районирование, как выяснилось, не обладает монополией на обобщение географической информации, на роль единственной высшей формы географического знания. Районированию был брошен очень серьезный вызов, по крайней мере если иметь в виду советскую школу районирования. Этот вызов породил в советской географической литературе весьма живую полемику, где в защиту методологической ценности районирования резко и много раз выступил Б.С. Хорев.

Концепция местностей как вторая альтернатива району. Концепция местностей (places) сложилась на Западе в 1980-е годы под явным влиянием идей постмодернизма в науке. Она утверждала, что общественная жизнь современных людей замыкается в небольших ареалах (городках, сельских местностях, частях крупных городов), каждый из которых имеет уникальные свойства и несводим к другим ареалам ни типологически, ни путем объединения в более крупные районы. Концепция местностей успешно возродила некоторые полузабытые географические теории. В ход пошло популярное некогда представление об уникальности районов и мест, особенно ясно сформулированное Р. Хартшорном (см., например, [19]). Другой опорой концепции стала “традиционная” региональная география П. Видаль де ла Блаша.

Концепция местностей имеет глубокие корни в гуманистической географии, которая подчеркивает самодовлеющее значение человека как главной темы географической науки. Для нее местность есть ареал непосредственных отношений конкретных людей, арена социальных взаимодействий. В этом свете главной задачей географов становилось не районирование и региональный анализ, но изучение конкретных свойств местностей, механизмов социального воспроизводства, а также анализ взаимодействия глобальных и внегеографических процессов (например, развитие современных капиталистических отношений) с индивидуальными особенностями конкретных местностей. Именно в местностях такие процессы получали реальное воплощение, причем оно оказывалось преобразованным свойствами этих местностей и потому каждый раз становилось специфическим. Весьма географичный подход, что и говорить.

В развитии концепции местностей приняли участие западные географы-радикалы марксистского

⁷ Как известно, все человечество, если построить людей в некое каре плечом к плечу, займет квадрат со стороной всего лишь в 30 км, то есть площадь ничтожную по сравнению с площадью земной суши.

толка. Они привнесли сюда интересную мысль о том, что на фоне концепции местностей районирование отнюдь не заблуждение. Напротив, оно вполне достоверно отражало территориальную организацию капиталистического общества конца XIX и первой половины XX века. В тот период победоносное шествие промышленной революции сокрушало скорлупы традиционных местностей, сложившихся в историческом прошлом, и прививало обществу новые, гораздо более крупные формы территориального членения. Так сложились районы. Ныне же, утверждают радикалы, на новом витке социально-экономического развития, с появлением производительных сил нового типа, возникают возможности и нужда в более тонкой территориальной организации общества. Крупные районы становятся все более зыбкими, они “растворяются” в новой текстуре общественной ткани, которая предстает совокупностью своих первичных социальных ячеек – местностей.

В концепции местностей трудно усмотреть не опровержение районирования, а всего лишь этап его развития. Позиция радикалов не оставляет надежды на то, что первичным ячейкам-местностям еще предстоит пересортировка по новым блокам-районам, где место сугубо экономических связей, определявших районообразование на предшествующем этапе, займут связи более гуманизированного характера. Последователи концепции местностей не заходят так далеко, если судить об этом по трудам их “классиков” (см., например, [15]). Можно и реинтерпретировать концепцию местностей в духе районирования, если увидеть в местностях нечто вроде элементарных районов и посчитать концепцию всего лишь переносом акцента на ранг ниже. Однако сами местности ни в коем случае не рассматриваются как части более обширных территориальных образований. Здесь масштаб рассмотрения укрупнен настолько сильно, а существование более обширных районов отрицается настолько резко, что приходится говорить о том, что концепция местностей в открытую отрицает районирование в его традиционных формах. Значит, налицо кризис традиции районирования.

Здесь невольно вспоминается широко известное выражение Н.Н. Баранского о том, что районирование – это “магический кристалл географии”. Однако основатель советской “районной школы” использовал это выражение как метафору, полезную в борьбе за право заниматься районированием в условиях господства статистического подхода (так называемой “деновщины”), но он никогда не утверждал, что такой кристалл есть в арсенале географии в единственном числе. Правда, его ученики

нередко утверждали именно это, впадая в явное преувеличение.

Характерный пример – перевод знаменитой главы о региональном методе в книге “Американская география”. В русском переводе она начинается словами: “Географы обычно считают, что региональные исследования являются основной задачей их дисциплины”. Чем не “магический кристалл”? Однако в оригинале это звучит несколько иначе: “geographers are in general agreement that regional study is an essential part of their craft”. Essential, т.е. существенная часть, весьма важная, пусть даже насущная, но никак не основная, не главная! Перевод был сделан М.Г. Соловьевой, верной ученицей Н.Н. Баранского. В целом превосходный (можно даже сказать – блестящий, особенно с чисто литературной точки зрения) перевод как бы поневоле приписал установки советской районной школы Деруенту Уиттлси – американскому автору, который был весьма далек от ее идей (и это еще мягко сказано).

Еретический клич “долгой пространство”. Среди тех идей, которые взрывают сегодня традиционное для географии понимание пространства, самой парадоксальной следует счесть такую: в то самое время, когда общество и наука поворачиваются к географии в поисках ответа на вопрос о значении Пространства, в самой географии начинает развиваться “еретический” тренд, который призывает нашу науку найти новую альтернативу традиционной “географии пространства”, выйти за пределы пространственной парадигмы, уйти от “обожествления” Пространства как главной и по сути единственной темы географии.

Застрельщиком этого тренда можно назвать канадского профессора Тревора Барнса из университета Британская Колумбия. По Барнсу, все попытки “освежить” географическое знание велись в рамках традиций Просвещения, с его верой в прогресс, причинно-следственные связи, единую общечеловеческую мораль и универсальную истину, а заодно и в ньютонианское Пространство. Барнс прокламирует некую “пост-чего-то экономическую географию” (post-prefixed economic geography). Он полагает, что есть надежда на постепенное (“со скоростью движения ледника”) появление некоей новой экономгеографии, которая путем постепенных и неуклюжих попыток найти альтернативу в рамках Просвещения накопит потенциал для того, чтобы за эти рамки выйти. В этой альтернативной географии пространство перестанет быть главной темой, пронизывающей всю географическую науку.

Конечно, бунт против традиций Просвещения начался давным-давно, еще в годы их полного го-

сподства. Барнс в своей книге “Логика нарушений: модели, метафоры и значения пространства” [12] привел целый список имен мыслителей, которые делали попытки найти альтернативу науке Просвещения. Это и Вико, и немецкие романтики XIX в., и Ницше, и американский прагматизм, и школа Мангейма. Об этом же писали Виттгенштейн и Хайдеггер, постструктуралисты вроде Фуко и Деррида, постмарксисты вроде Лакло и Муффе, феминисты вроде Харауэя и Фрейзера, философы вроде Рорти и Бернштейна. Они прошли по всем постулатам, по всем символам веры Просвещения, показав, по мнению Барнса, их наивность и упрощенчество.

Получается, что в самый, можно сказать, разгар дебатов вокруг географического пространства разрастается убеждение (притом в самой географии!), что будущее географии лежит в противоположном направлении – в отказе от этого пространства как главной темы нашей науки.

“Смерть пространства”. Идеи Барнса навеяны, конечно же, стремительным развитием электронных средств коммуникации. Именно это породило у многих исследователей предчувствие, что расстояние, а вместе с ним и пространство, теряют всякую социальную значимость. “Когда Джек Руби убивал Освальда, – писал в 1985 г. Джошуа Мейрович, – это попало в телевидение онлайн, и миллионы зрителей чувствовали себя прямыми свидетелями происходящего, хотя почти все они находились в сотнях и тысячах миль от места происшествия” [24, с. 1]. В этом свете казалось очевидным, что эволюция средств массовой информации по меньшей мере снижает роль физического присутствия для впечатлений от событий или от действующих лиц. Для немалого числа исследователей речь шла уже не о снижении этой роли, а просто об ее ликвидации. Достаточно помянуть нашумевшую книгу Френсис Кейрнкросс под выразительным названием “Смерть пространства 2.0” [14].

В таком “порушении” пространства особенно преуспели западные социологи, поскольку наблюдения за социумом развитых стран в изобилии приносили им подтверждающие свидетельства. Пространство как бы вырождалось на всех масштабных уровнях социальной коммуникации. Тот же Мейрович подчеркивал, что это касается даже мельчайшей социальной ячейки – семьи. Еще недавно было время, писал он, когда родители наказывали ребенка тем, что отправляли его в его комнату: это означало, что они лишают его прелестей социальной коммуникации. Сегодня это звучит смешно: в комнате у ребенка Интернет, и ребенку открыт весь мир [24].

Особенно сильное впечатление на социологов производит то, как преобразуется жизнь социальных групп, которые сложились в недалеком прошлом, но проходят коренную трансформацию своих форм под воздействием электронных СМИ. Маршалл Маклуэн в своей знаменитой книге “Понимание медиа” [23] показал, что уже в 1950-х и 1960-х годах в развитых странах стали складываться некие мелкие сообщества (в основном девиантные), члены которых обозначали свою принадлежность к ним длинными волосами, бородами, наготой, африканской музыкой и т.п. Маклуэн прямо связывал это с распространением электронной информации. Подобное обособление мелких социальных групп в виде некоей “трайбализации” (термин Маклуэна) сопутствует всей истории человечества в виде нарочитого противостояния большому групповому сплочению (в рамках нации, например), но в нынешних условиях оно переживает период расцвета и при этом (что особенно важно для нашей темы) как бы освобождается от территориальных рамок. Такие рамки еще недавно были очень важны для этих групп, обеспечивая тесное общение единомышленников, но теперь это общение легко осуществляется за тысячи километров с помощью электронных медиа. На сей счет нередко приводят пример с гей-общиной в Сан-Франциско: она издавна была сконцентрирована в городском районе Кастро, но это делало геев слишком заметными, а их социальное поведение – почти демонстративным, и постепенно члены общины стали рассредоточиваться, вполне сохраняя информационный контакт через электронные медиа, так что теперь их больше в Вальехо, на дальней окраине агломерации, чем в пресловутом Кастро. В результате число таких мелких социальных групп растет, но при этом все реже возникают их территориальные ячейки – словно физическая близость единомышленников вообще утратила свою социальную значимость.

Таким образом, сегодня перед географией стоят по меньшей мере два эпистемологических вызова, каждый из которых ставит под сомнение онтологический статус главного объекта нашей науки – Пространства. Один из вызовов исходит как бы изнутри, от самих географов, некоторые из которых призывают свергнуть Пространство с трона и освободить нашу науку для более свободной эволюции. Второй вызов – извне, он в отрицании существенной значимости Пространства для современного общества, причем его порождают не только окрестные науки, но и общественное сознание. Что ж, это можно счесть вполне достаточным основанием для того, чтобы географы всерьез взя-

лись, наконец, за осмысление своего объекта и в феноменологическом, и в онтологическом ключе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 302 с.
2. Костинский Г.Д. Идея пространственности в географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1992. № 6. С. 31–40.
3. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. 478 с.
4. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира / Под ред. И.С. Ивановой, И.М. Кузиной, А.С. Фетисова. Т. 1. Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Москва–Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
5. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. 304 с.
6. Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // ЛОГОС. 2000. № 2. С. 113–151.
7. Филиппов А. Гетеротопия родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6 (<http://www.strana-oz.ru/2002/6/geterotopologiya-rodnyh-prostorov>).
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994, 402 с.
9. Черняева Н.А. Культурная география и проблематика “Места” (обзор новой литературы) // Изв. УрГУ. Гуманитарные науки. 2005. Вып. 9. № 3535. С. 273–283.
10. Шупер В.А. Развитие теоретических представлений в области пространственного анализа // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 3. С. 7–16.
11. Шупер В.А. Характерное пространство в теоретической географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 5–15.
12. Barnes T. Logics of dislocation: Models, Metaphors, and Meanings of Economic Space. The Guilford Press, 1995. 292 p.
13. Lefebvre H. Production of space. Blackwell, Oxford, 2007. 440 p.
14. Cairncross F. The death of distance 2.0. TEXERE. London. 2001. 317 p.
15. Gregory D., Martin R., and Smith G. Human geography, society, space and social science. University of Minnesota Press, 1994. P. 389–390.
16. Hall E. Hidden dimension. Anchor Books. 1966. 215 p.
17. Hart J.F. and Hudson J. A love of the land: selected writings of John Fraser Hart. Minneapolis, Center for American Places, 2008. 224 p.
18. Harvey D. Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development. London: Verso, 2006. 154 p.
19. Hartsorne R. Perspective on the Nature of Geography // AAG, Rand McNally, Chicago, 1959. 208 p.
20. Herod A. David Harvey: Spaces of global capitalism: towards a theory of uneven geographical development (Book review) // Labour/LeTravail. 2008. March 22. 2008. (<https://www.highbeam.com/doc/1G1-180029177.html>).
21. Key thinkers on space and place. London. SAGE, 2004. 375 p.
22. Lefebvre H. Production of space. Oxford: Blackwell, 1991, 450 p.⁸
23. McLuhan M. Understanding Media. Berkeley: Gingko press, 2013⁹.
24. Meyrowitz J. No sense of place: the impact of electronic media on social behavior. Oxford: Oxford University Press, 1985. 416 p.
25. Sack R. Human territoriality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 272 p.
26. Shepard D. Spatial relationships of male green frogs (*Rana clamitans*) throughout the activity season // The American Midland Naturalist. 2002. October. P. 393–400.
27. Tuan Yi-Fu. Topophilia. Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1974. 260 p.
28. Tuan Yi-Fu. Space and Place: the Perspective of Experience. Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, 1977. 235 p.
29. <http://anthropology.rinet.ru/old/4/xarms.htm>.
30. http://anthropology.ru/ru/texts/kalyzhn/russia_11.html.

⁸ Это первый перевод с французского, затем последовали 16 переизданий, последнее – в 2000 г. Французское издание вышло впервые в 1974 г. – La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. 485 p.

⁹ Есть русский перевод: Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.–Жуковский: “КАНОН-пресс-Ц”, “Кучково поле”, 2003. 464 с.

The Future of Geographical Space in Social Sciences

L.V. Smirnyagin

Faculty of Geography, Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: smirnyagin@hotmail.com

Space is one of the key concepts of geography, but it is almost not investigated by Russian geographers in ontological and epistemological terms. Over the last century in the foreign geography the idea of space was varied from purely Newtonian (as a passive receptacle, by E. Tobler) through the humanitarian perception (Yi-Fu Tuan) to “production of space” by society (as a “second reality”, by H. Lefebvre). In the second half of the 21st century M. Foucault declared the need to put the Space at the front end of modern science and to abandon the primacy of gnoseological historicism. In the second half of the 21st century M. Foucault declared the need to put the Space at the central place of modern science and to abandon the primacy of gnoseological historicism. After that, social sciences allied with geography began to actively explore the concept of space, but more often as a metaphor, ignoring the real role of geographical space in social processes. The reaction of professional geographers on this metaphor forces itself to wait. In the geography, the epistemology of space becomes more complicated. The division of space through traditional zoning is complemented (or disputed) by two other approaches – the geostructural approach and the concept of places. Calls appear to liberate geography from too tight binding to the view on the space as the central idea of geography (Barnes). The fruitfulness of these calls has to reflect on from the point of view of prospects of development of theoretical geography.

Keywords: geographical space, philosophy of geography, zoning, geostructural approach, geography and sociology.

doi:10.15356/0373-2444-2016-4-7-19